

Отец Виталий сумел сохранить старинные иконы и утварь храма, предотвратив их изъятие в музейные фонды или уничтожение, что было распространенной практикой того времени.

Сегодня имя священника Виталия Вечерко вписано в историю Пинской и Лунинецкой епархий. Храм Святой Параскевы Пятницы в Бостыни, настоятелем которого он был, остается действующим, являясь памятником архитектуры.

Современный настоятель и приходская община бережно хранят память о своем предшественнике. Могила священника является местом молитвенного поминовения.

Храм Святой Параскевы Пятницы, возведенный в традициях современного зодчества в 2003 г.

Список литературы

1 **Кривонос, Ф., свящ.** У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / свящ. Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – С. 154–160.

2 **Шкаровский, М. В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.) / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. – С. 205.

3 Музейно-педагогические занятия «Священники и война» // Музеи Беларуси. – URL: <https://museum.by/node/38110> (дата обращения: 25.11.2025).

УДК 281.93

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПАВЕЛ ЛЕВАШЕВ: ПОДВИГ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТИНЫ

И. А. ГРИЩЕНКО

Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого

Слово «мученик» имеет два основных смысловых содержания. В светском значении это страдающий человек, будь то от физической боли, душевной или терзаемый муками совести. В христианстве «мученик» с греческого языка переводится как «свидетель». Это человек, пострадавший за Истину, поскольку выступил свидетелем этой Истины. Под Истиной имеется в виду Божия правда, Истина Христовой веры. В этой связи совершенно

не важны мучения, которые претерпел человек во имя высшей правды, важна суть этой правды. Поэтому невозможно проводить параллель между святым Себастьяном и Сергеем Лазо или Николаем Гумилевым. Это вовсе не обесценивает жизнь людей, отдавших ее за идеи, за счастье народа и Родины (как они это себе представляли). Православные мученики за веру все земные понятия и маленькие истины, имеющие относительное значение, поставили на то место, которое они заслуживают перед лицом Бога. Однажды увидев свет Истины, они не смогли его забыть. Почувствовав, осознав и приняв Истину Слова Божьего, святые подвижники не могли отречься от Него. Это давало им силы в противостоянии неправде. Верность Богу – суть свидетельства, объясняющая смысл страданий, на которые шли святые подвижники.

Вне этого контекста невозможно понять поступок баронессы Натальи Модестовны Фредерикс (1864–1926), которая в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) добровольно пошла работать в тифозный барак. Сложно понять решение Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (1877–1961), успешного врача, стать священником в самый разгар большевистских антицерковных гонений. Вне здравого смысла покажется твердость Юрия Бессонова (организатора уникального, удачного бегства из СЛОНа пяти узников) не применять насилие даже в отношении конвоиров, полагаясь во всем на помощь Божию и соблюдая, по возможности, Его заповеди.

Символично, что в алтаре православного храма лежит антиминс – плат со вшитой в него частицей мученика, то есть свидетеля веры. На этих свидетелях и стоит Православная церковь. Особое место в сонме святых Русской православной церкви (РПЦ) занимают новомученики и исповедники XX века. Современного человека светской культуры, подверженного скепсису, мало убеждают святые древности. Во-первых, в силу отдаленности событий, опыт древних подвижников часто рассматривается через призму той эпохи и для современности он кажется уже неприемлемым (расхожий довод – времена меняются). Во-вторых, есть опасение, что жития святых многое преувеличивают или, по крайней мере, изобилуют неточностями. В-третьих, в век прагматизма многим трудно представить, что в современном мире найдутся подобные свидетели веры. Потому так важен для современных христиан пример подвига веры новомучеников и исповедников РПЦ. В 2000 г. на юбилейном Архиерейском Соборе Русской православной церкви было принято решение прославить для общецерковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских XX века. Кроме поименно известных, в этот Собор входят донныне миру не явленные, но ведомые Богу. Иначе говоря, список святых мучеников открыт, в его конце стоит многоточие. Многих подвижников, очевидно, мы никогда не узнаем, но все они известны Богу. В 2000 г. список канонизированных новомучеников и исповедников составил более 1200 имен, в результате чего

сонм русских святых троекратно превзошел число русских святых, канонизированных ранее за всю историю Русской церкви [1].

Среди новомучеников, чьи имена нам известны, есть имя гомельского протоиерея Павла Левашева (1873–1937). Он родился в многодетной дворянской семье 9 декабря 1873 г. в местечке Черная Гряда Череповецкого уезда Новгородской губернии. Хотя его отец, Николай Левашев, был потомственным дворянином, многодетная семья не имела большого достатка. Поэтому маленького Павла забрал к себе на воспитание и обучение родной брат матери, епископ Могилевский Мисаил (Крылов).

В 1888 г. Павел Левашев окончил гимназию, и дальнейшее его обучение проходило в духовной семинарии и духовном училище. Женится будущий священник на Анне Петровне Соколовой – дочери московского мещанина, имевшего в Москве свою швейную мастерскую. В браке родилось семеро детей: Николай, Людмила, Мария, Георгий, Зоя, Василий и Татьяна. Решение стать церковным служителем пришло не сразу. П. Н. Левашев работал народным учителем в с. Городище Новгородской губернии, потом был перемещен в Оршу в трехклассное железнодорожное училище преподавателем математики. В 1900 г. епископ Могилевский Мисаил совершил рукоположение своего воспитанника во диакона, а потом в иерея.

Перед началом своего служения Павел Левашев решил побывать в Оптиной Пустыни, испросив совета и благословения старцев. Знакомство с отцом Иосифом потрясло его, и он становится послушником старца, пребывая с ним в регулярной переписке. Павел Левашев, видевший старца Иосифа, озаренного Фаворским светом, сравнивал его с пламенным серафимом, отмечая великое смирение и силу непрестанной сердечной молитвы оптинского подвижника. Вот как протоиерей Павел вспоминал спустя годы встречу со старцем Иосифом: при входе в келью старца «я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высоту, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости <...> стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного, видения. Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как-то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным. Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия, видимо, сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи, и похвалиться могу только немо-

щами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая, видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей» [2].

В начале 1900 г. молодой иерей Павел Левашев назначается вторым священником в Петропавловский собор г. Гомеля. За короткое время на ниве благотворительности он сближается с хозяйкой гомельского имения княгиней Ириной Ивановной Паскевич. Среди проектов, которые нашли молитвенную поддержку священника Павла Левашева, Ирининская больница (ныне Гомельская городская клиническая больница скорой медицинской помощи, в народе «Первосоветская»), женская гимназия на улице Миллионной (ныне здание политехнического колледжа на ул. Билецкого). В 1900–1907 гг. протоиерей Павел Левашев занимал должность законоучителя в женской церковно-приходской школе при Либаво-Роменской железной дороге и Федоровского детского приюта княгини И. И. Паскевич [3, с. 235].

Серьезным испытанием для России и Православной церкви стали события первой русской революции 1905–1907 гг. Чтобы снизить социальную напряженность, был сделан первый шаг к разрешению вопроса о «свободе совести» (указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.), а манифест 17 октября 1905 г. провозгласил основные гражданские свободы. Население Гомеля по вероисповеданию было довольно пестрым. Накануне Первой мировой войны в городе насчитывалось 33 290 православных, 9 281 старовер, 1 750 католиков, 271 протестант и 57 450 иудеев [4, с. 20]. Либерализация социальной и политической жизни многими была воспринята максималистски. Теперь православному большинству нередко приходилось оправдываться за свое преимущественное положение в обществе перед меньшинствами. В этой связи становится понятна эмоциональность выступления протоиерея Александра Зыкова при учреждении в 1909 г. Гомельского братства: «Припомните бундовскую литературу, навонившую наш город. Что здесь не было осмеяно, вышучено, загрязнено из самого святого и ценного для нас! Это был поистине какой-то сатанинский танец разнузданности и распущенности... Но самое страшное горе в том, что от смрада угорели и многие православные люди. Лицемерно прикинувшись на время христиански-свободолюбивой, нация осталась без всяких изменений: верующей до нетерпимости, узконациональной до исключительности, ростовщически-рабовладельческой до человеконенавистничества, жадной и хищной до безумия». Либеральная фразеология часто использовалась в откровенной антиправославной пропаганде, о чем протоиерей А. Зыков с горечью свидетельствовал: «Православие омертвело будто бы в обрядах, но целовать папскую туфлю доселе почтенно и аристократично. Об автономиях и расчленении России позволительно говорить и даже рукоплещут, но серьезно толковать о равенстве всех для закона и о единой могучей и неделимой родине – невыносимое черносотенство. И это совер-

шается у нас в городе явочным порядком в силу пресловутой веротерпимости. А заговори православный пастырь неприкровенным языком о святости православно-христианских праздников, о грехах людских – какой поднимется вопль о слишком широкой свободе для православных священников. Словом – отдай свое и не смей трогать ничего нашего» [5, с. 819]. И сегодня актуально звучат слова священномученика Митрофана (Краснопольского) викарного Гомельского епископа, сказанные в речи к гомельской пастве в 1909 г.: «Есть у нас враг домашний, опаснее внешнего. Разумею ту апатию и индифференцизм, каким заражены главным образом верхушки нашего общества, а отсутствие религиозного воодушевления является общим нашим недостатком. Никто не почитает себя обязанным деятельно стоять на страже чистоты христианских нравов. Отсюда вольномыслие, сквернословие и даже открытое глумление над святейшими установлениями нашей веры» [6, с. 694].

В 1905 г. в разгар революционной эйфории протоиерей Павел Левашев издает небольшую книгу под названием «Зачем у нас так много обрядов?», разъясняющую духовную глубину, важность и значение обрядовой стороны Православия. Книга стала своевременным ответом на уже раздававшиеся требования части либерально настроенного православного духовенства упростить богослужение. Автор отмечал, что православная церковь в России действительно нуждалась в освобождении от бюрократического давления со стороны государства, но это не означало, по его мнению, что нужно скатываться к радикализму относительно канонов церковной жизни: «Заговорили во многих епархиях о сокращении вообще всякого нашего богослужения, стали требовать изъятия стихир в утреннем и вечернем богослужении, крайнего сокращения ектений, и наряду с этим высказывались пожелания об отмене особой духовной одежды, длинных волос, запрещения посещения театральных зрелищ, раздались сетования о том, что епископы у нас неженатые, а иереи и диаконы лишены права жениться второй и третий раз, и т. д. Как видит читатель, все эти сетования, пожелания, требования клонились к одному – к обмирщению Церкви, к низведению Ее чуть не до состояния обычных человеческих учреждений. Видимо, все эти церковные освободители были ох как далеки от желания утвердить Церковь нашу *на камени заповедей Божественного Слова*. И не к борьбе и победе над страстями и миром, который *преходит* (1 Иоан. 11, 15–17), увлекли нас эти лукавые защитники чистоты и духовности христианской церкви, а к порабощению чад Божиих и лишению их благодати Св. Духа» [7].

Священник Павел Левашев в послереволюционные годы, будучи благочинным Гомельской епархии, прилагал большие усилия к тому, чтобы у православных Гомеля не угасло чувство благочестия. В 1907–1914 гг. он организовывал многочисленные паломнические поездки паствы к святыням Киева, в Саровскую обитель, в Оптину Пустынь, на Валаам. Удивительно, но в Оптину Пустынь из Гомеля было налажено прямое железнодорожное

сообщение. В одном из вагонов поезда с паломниками протоиерей Павел Левашев проводил богослужения. Правительство поощряло такие путешествия и давало льготы на проезд, так что поездки эти были доступны и малоимущим [8]. Павлу Левашеву посчастливилось побывать на Святой земле. По ходу своего путешествия он с удивлением отмечал, что все его паломничество проходило так, как он некогда видел во сне, задолго до его приезда в Иерусалим.

С началом Первой мировой войны протоиерей Павел Левашев переехал в Петроград, поскольку был назначен на должность настоятеля церкви Главного штаба российской армии. После большевистского переворота 1917 г. священник оказался в Москве и служил некоторое время в Новодевичьем монастыре. После Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг., восстановившего Патриаршество, протоиерей Павел Левашев вернулся в Гомель, чтобы вновь исполнять обязанности благочинного Гомельской епархии.

Новые испытания ждали РПЦ в связи с реализацией антицерковной и антирелигиозной политики большевиков. Для православной церкви наиболее опасной составляющей этой политики стал так называемый обновленческий раскол 1920-х гг., инспирированный ВЧК-ОГПУ с целью подрыва церкви изнутри и дискредитации духовенства в глазах верующих. Протоиерей Павел Левашев категорически отказался примкнуть к «живой церкви». Его поддержал гомельский священник-миссионер Елисей (Назаренко). Следует отметить, что в обновленчество уклонилось почти все гомельское духовенство, и среди обновленцев оказались довольно опытные и авторитетные священники. Поэтому стойкость протоиерея Павла Левашева, его трезвость в оценке ситуации трудно переоценить. Вполне закономерно, что патриарх Тихон своим распоряжением поручил принимать покаяние от обновленческих священников Гомельской губернии протоиерею Павлу Левашеву или священнику Елисею (Назаренко) [9]. С назначением в марте 1925 г. на Гомельскую кафедру епископа Тихона (Шарапова), протоиерей Павел Левашев становится духовником Гомельской епархии. Результатом короткого пребывания в Гомеле епископа Тихона (Шарапова) стало уврачевание обновленческого раскола. Обновленческие приходы еще оставались, но их количество было незначительным. Немалую роль в борьбе с обновленчеством сыграл и епархиальный духовник, чего ему не простили ни обновленцы, ни власть. В 1927 г. протоиерей Павел был обвинен в контрреволюционной деятельности, но через месяц после ареста был освобожден.

Еще более сложный выбор пришлось сделать священнику после обнаружения так называемой «Декларации 1927 года» за подписью патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского). Часть православного духовенства и мирян не смогли принять самый болезненный пункт соглашения митрополита с большевистским руководством о вмешательстве

советских спецслужб в кадровую политику РПЦ. Митрополит Сергей был вынужден пойти на эту сделку (не компромисс, как в случае с патриархом Тихоном), поскольку в противном случае РПЦ угрожала окончательная ликвидация. Протоиерей Павел Левашев оказался в рядах правой церковной оппозиции («иосифляне», или «непоминающие») и вместе с иеромонахом Герасимом (Каешко) возглавил это движение на Гомельщине. По-прежнему протоиерей Павел Левашев был духовно связан с Оптиной Пустынью. В это время он поддерживал отношения с последним оптинским старцем иеромонахом Нектарием (Тихоновым) и ни одного серьезного шага в своей жизни не предпринимал без совета старца. Предание гласит, что старец Нектарий в духовном видении видел всех подписавших «декларацию» почерневшими.

На Гомельщине иосифляне составляли значительную группу. За протоиереем Павлом Левашевым последовали его духовные сыновья священники Антипа Злотников (с к. 1920-х гг. служил в с. Шерстин Ветковского района) и Феодор Рафанович (после освобождения из СЛОНа поселился в Ветке, служил нелегально) [3, с. 237, 252]. Среди иосифлян оказалась большая группа монахинь упраздненного Чонского монастыря.

Такая активность протоиерея Павла Левашева по сохранению канонического строя православной церкви не могла пройти для него бесследно. В 1929 г. постановлением Тройки при ПП ОГПУ по БВО священник был приговорен к трехлетней ссылке и лишен избирательных прав. Ссылного посещали его духовные дети, которые помогали ему и его семье, оставшейся без средств к существованию. Находясь в ссылке, протоиерей Павел старался объединить оставшихся верными Истинному Православию священников в Тамбовской, Рязанской и Орловской губерниях. По окончании срока протоиерей Павел поселился в Орле, но вскоре, в январе 1933 г., вновь был арестован и приговорен к годичному лагерному заключению с заменой на ссылку в Северный край (Мезень). После освобождения протоиерей Павел вернулся в Гомель. По некоторым источникам семья священника испугалась принять его, и он поселился у верных ему духовных чад в доме Елены Львовны Ляшук, у которой прожил два года. После угроз со стороны коммунотдела священник вынужден был переселиться к Ивану Петровичу Поповичу, чья семья была близка со священником Антипой Злотниковым [8]. Есть версия, что, не желая ставить под удар своих близких, Павел Левашев сам отказался жить со своей семьей.

Окончательную точку в мытарствах гомельского священника поставил последний арест в сентябре 1937 г. Его обвинили в руководстве «правомонархическим крылом» «гомельской контрреволюционной организации церковников». Постановлением Особой тройки НКВД БССР от 30 октября 1937 г. протоиерей Павел Левашев был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 1 ноября того же года в Новобелицком лесу с группой гомельского духовенства и активных мирян (57 человек). Вместе с протоиере-

ем Павлом Левашевым мученическую кончину принял и его сподвижник священник Антипа Злотников. Протоиерей Павел Левашев был реабилитирован в 1988 г.

Как в свое время мирянин Павел Левашев стал свидетелем явленного Фаворского света в келье старца Иосифа Оптинского, так, будто приняв духовную эстафету у подвижника, священник Павел Левашев продолжал нести подвиг свидетельства Истины. Что придавало ему сил? Ответ можно найти в словах, сказанных патриархом Тихоном в качестве напутствия в день хиротонии Гомельскому епископу Тихону (Шарапову): «...может быть, твое сердце трепещет и смущается. Мужайся! Благодать Святого Духа и сила крестная укрепят тебя. Взирай на твердость мучеников Христовых и их примером воодушевляйся на предстоящий тебе подвиг» [10]. Помнил гомельский священник Павел Левашев и наставления старца Иосифа о важности молитвы как прямого разговора с Богом: «Сами больше молитесь, не ленитесь, потому что молитва есть пища души. Не морите же души ваши голодом, лучше пусть тело голодает». Какой след оставили в душе протоиерея Павла Левашева наставления оптинских старцев, можно судить по воспоминаниям его духовной дочери Елены Ляшук: «Жил скромно, просто, не выдавался ни особыми подвигами, ни строгим постом, но во всем соблюдал меру и воздержание. Обладал даром умиления и слез. Никому не навязывал аскетизма, так как знал, что это не каждому под силу. С духовными детьми был ласков, милостив и к грехам их снисходителен. А к исполнению церковных правил – строг. Часто говорил: «Бог нам Отец, а Церковь – Мать». Там, где он служил, богослужение велось по уставу, без сокращений» [8].

Вне перспективы вечности страдания праведников обесцениваются. Однако эти страдания и то, как и во имя чего они переносятся, являются сильным аргументом в пользу веры и свидетельством торжества Божией правды. *«Имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще»* (Евр. 12, 1).

Список литературы

1 Архиерейский Юбилейный Собор Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г. // Православная энциклопедия – URL: <https://www.pravenc.ru/text/76522.html> (дата обращения: 29.11.2025).

2 **Каширина, В. В.** Молитва есть жизнь для души / В. В. Каширина. – URL: https://www.optina.ru/24_molitva_est_zhizn_dlja_dushi/ (дата обращения: 19.10.2025).

3 **Слесарев, А. В.** Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / авт.-сост. А. В. Слесарев. – Жировичи : Изд-во Минской духовной академии, 2017. – 339 с.

4 **Мятліцкая, В.** На паграніччы эпох і дзяржаў. Старонкі гісторыі Гомеля (1917–1918) / В. Мятліцкая. – Гомель : Барк, 2021. – 224 с.

5 Речь протоиерея А. Зыкова при учреждении Гомельского православного братства // Могилевские епархиальные ведомости. – 1909. – № 22 (часть неофициальная). – С. 819.

6 Речь Преосвященнейшего Митрофана, Епископа Гомельского к Гомельской пастве о целях и задачах братств // Могилевские епархиальные ведомости. – 1909. – № 19 (часть неофициальная). – С. 691–698.

7 **Левашев, П., протоиерей.** Зачем так много у нас обрядов? / П. Левашев. – URL: <https://rosblog.narod.ru/books/levash1/Main.htm> (дата обращения: 20.10.2025).

8 Священномученик протоиерей Павел Левашев. – URL: <https://omolenko.com/-zhitiya/Levashov.htm> (дата обращения: 19.10.2025).

9 Резолюция Святейшего Патриарха Тихона по делу о покаянии обновленческого священника Гомельской епархии о. Льва Лобова от 14 (27) декабря 1924 г. // Акты Святейшего Патриарха Тихона, Патриарха Московского и всея России. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/akty-svjatejshego-patriarha-tihona-pozdnejshie-dokumenty-i-perepiska-o-kanonicheskom-preemstve-vysshej-tserkovnoj-vlasti/1_366 (дата обращения: 01.12.2025).

10 Слово Святейшего Патриарха Тихона при вручении архиерейского жезла новохиротонисанному епископу Гомельскому Тихону (Шарапову) от 09 (22) марта 1925 г. // Акты Святейшего Патриарха Тихона, Патриарха Московского и всея России. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/akty-svjatejshego-patriarha-tihona-pozdnejshie-dokumenty-i-perepiska-o-kanonicheskom-preemstve-vysshej-tserkovnoj-vlasti/1_366 (дата обращения: 01.12.2025).

УДК 1:316.647(476)

ФИЛОСОФСКАЯ КАРТИНА МИРА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУСА: АНАЛИЗ ПРЕОБЛАДАЮЩЕГО ТИПА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В. П. ДЕМИДОВА

Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого

Актуальность изучения мировоззренческих ориентаций современного общества не вызывает сомнений, поскольку именно они лежат в основе коллективных ценностей, социального поведения и культурной идентичности. Глубокий кризис человеческого существования сделал философские вопросы о природе мира и человека, сущности и смысле его существования, способе рационального существования на Земле, месте человека в бесконечном мире коренными вопросами выживания человечества, выхода из современного тупика и дальнейшего всестороннего прогресса общества, подлинно человеческого бытия. Человеческая жизнь никогда не была так насыщена философскими вопросами. В этом смысле современный период мировой истории – это век философии, глубокого философского осознания мира и самого себя, которое должно быть положено человечеством в основу